

№10 1996

Александр Ожиганов О ФЛОРЕ СЛОВЕСНОЙ

(эскиз современной петербургской поэзии)

1.

С младенчества всем известно, что поэзия - это цветочки, листочки и птички. "Ласточки пропали, а вчера зарей..." Пресловутый пантеизм классики: "Мне жизни мировой святыня дорога, люблю безмолвие полуночной природы, люблю ее лесов лепечущие своды, люблю ее степей алмазные снега". Или: "Ты раскрой мне, природа, объятия, чтоб я слился с красотой твоей!" "Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне..." "...и я во всем!" - еще раньше воскликнул третий. И т.д. Я процитировал Фета, Бунина, Тютчева без иронии. "Имея мало затейливости в уме, я думаю, что мне лучше удастся статья важная, нежели игравая" (Баратынский). И ведь глупо хихикать, читая: "Лес, точно терем расписаный, лиловый, золотой, багряный, веселый, пестрою стеной стоит над светлою поляной". И без пояснений понятно, что "не пейзаж влечет меня, не краски жадный взор подметит, а то, что в этих красках светит: любовь и радость бытия". Но не только любовь. И не только радость. Отрезвляющий голос Пушкина был не одинок. Это о Фете, воскликнувшем перед смертью: "Не могу я слышать этой птички, чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть!" - Тургенев сказал: "Я не знаю человека, который мог бы сравниться с ним в умении хандрии". И это для Фета были "мучительны и дики условия первые земного бытия". И не только первые. Он и умер, пытаясь покончить с собой... "Природа, храм, тайник вселенной" - "в слезах от счастья" воскликнул

Пастернак, но Цветаева кратко и категорично сформулировала: "Жизнь - это место, где жить нельзя". И все-таки "темная, свежая веть бузины... это письмо от Марини". И все-таки! - "Господи! Ты видишь, я устал воскресать, и умирать, и жить. Все возьми, но этой розы алой дай мне свежесть снова ощутить!" Кажется, что Ахматова продолжает традицию. И если пишет о розах, то это розы Летнего сада. Но вот появляется и иная флора: "Я лопухи любила и крапиву... Таинственная плесень на стенах..." И если Цветаева недоумевает: "Что нужно кусту от меня? Не речи же!", то Ахматова догадывается: именно речи! "Многое еще, наверно, хочет быть воспетым голосом моим". Более того, и сам куст - речь. "В каждом древе распятый Господь, в каждом колосе тела Христово, и молитвы пречистое слово исцеляет болящую плоть". И, как всегда, более резко и парадоксально - Цветаева: "Бог - растущий Барабаб?" "В мыслях об ином, иначе, и ненайденном, как клад, шаг за шагом, мак за маком - обезглавили весь сад. Так, когда-нибудь, в сухое лето, поля на краю, смерть рассеянной рукою снимет голову - мою". Кажется, все сказано, дальнейшее - молчание.

Но ты не знаешь пустяков -
Разверстку невских лопухов.
К тому же много есть примеров,
Что можно жить без головы -
Шаман в руках ее подкинет,
Наевшись бешеною травы.

И мне мерещится при этом голова,
До исполинских звезд растущая огромно,
Ей в ухо сыплют маковые зерна,
Иль с шорохом течет туда словарь.
(Шварц)

Только тут-то, теперь-то и прорастает эта странная чахлая хищная слабая гиблая флора: Словесная Флора современной петербургской поэзии.

Производит завод мясокостную жирную пыль,
Пудрит ею бурьян и ковыль,
Петроградскую флору.

Ну, и что она есть? - паста, пепел, дурман,
Просто нечто болимое, некий болящий туман.
(Шварц).

От сада - к садку. "Может быть, изменилось агрегатное состояние мира... Мы живем на Марсе, не замечая этого" (М.Айзенберг). И вот

Детский садик, адик, раек, садок -
Питерской травки живучей таит пучок.
(Шварц)

Северная Пальмира? - полноте, мы - на другой планете! - что за растительность вокруг нас, под и над нами, в нас?! "Всей безобразной, грубою листвой средь остальных кустарников изгнаник, лишенный и ровесников и нянек, всерьез никем не принятый, ольшаник якшается с картофельной ботвой. При этом каждый лист изнанкой ржавой уж не стыдится сходства с той канавой, в которой грязнет, глохнет каждый ствол... И валится ольха, но не на отдых, а сорняком и плевлом от древес", и "крапивой к

небу стрекает сорная земля" (Бобышев). "...И несущественно, где бывшее дерево - будущий рой льдисто-зеленых болотных петуний... Не пропадает ничто, не кончается втуне - черной исходит икрой сваи-роженицы, столбики влажной трухи... Стой вещества в гармоничной природе непрерываемой смертью похож на стихи - пруд умирания, где не уловишь ухи, пруд рождества, где не пролито крови в тину холодную, в зеленоватые мхи" (Кривулин). Как подозрительна гармоничность ЭТОЙ природы, где стой вещества похож на стихи - СМЕРТЬЮ. И что происходит с нашими старыми знакомыми: цветочками... листочками?..

Лепесток на ладони и съежился и почернел...

Как мне страшны цветов иссыхание, корчи и хрюп плаща судорог и опаданье лепестков, шевелящихся в желтых морщинах страданья... (Кривулин)

Повторим многократно цитированные - такие смелые! - строки Ахматовой и ответим: да знаем-знаем, из какого-такого сора - из нас. И сами стихи - лопухи - сорняки. Раздельное у классиков (автор - природа - стихи) - переплелось, спрослось, перемешалось, как на свалке, и в "городе горьких отбросов... здесь небесных глаголов не слышит никто в попыхах" (Стратановский).

Расцветают души как фиалки... Но, невзрачные, они так жалки.

(Шварц)

...И нежданная в звуке завяжется боль потому ли, что плод - в мучительной завязи нового знания о мире, до дна оголенном, до срама,

до ямы, до судороги отрицанья... (Кривулин)

Какое длинное письмо
Растет себе само!
Как бы из чресел эскимо -
Попробуешь - деръмо. (Миронов)

В недавно опубликованных дневниках Давида Самойлова запись о Стратановском - "вечный недопоэт" - нечаянно точна, а значит - неоскорбительна. Да, на "широкошумные дубровы" дыхания не хватает. Принято подчеркивать "эротичность" петербургской поэзии, "но тщетно Эрос мирозданья зовет ущербный человек", да и сам этот Эрос - не круглощекий кудрявый Эрот, шалун, а "ЭРОС МУСОРА": "жалок он и некрасив" (Стратановский), и вызывает страх. "Стих - это смех со страху", - написал Ян Сатуновский. Шварц подтверждает: "Цветы от ужаса цвели, хотя стоял мороз". В стихотворении Стратановского "Роза просто" - отнюдь не простая роза, а

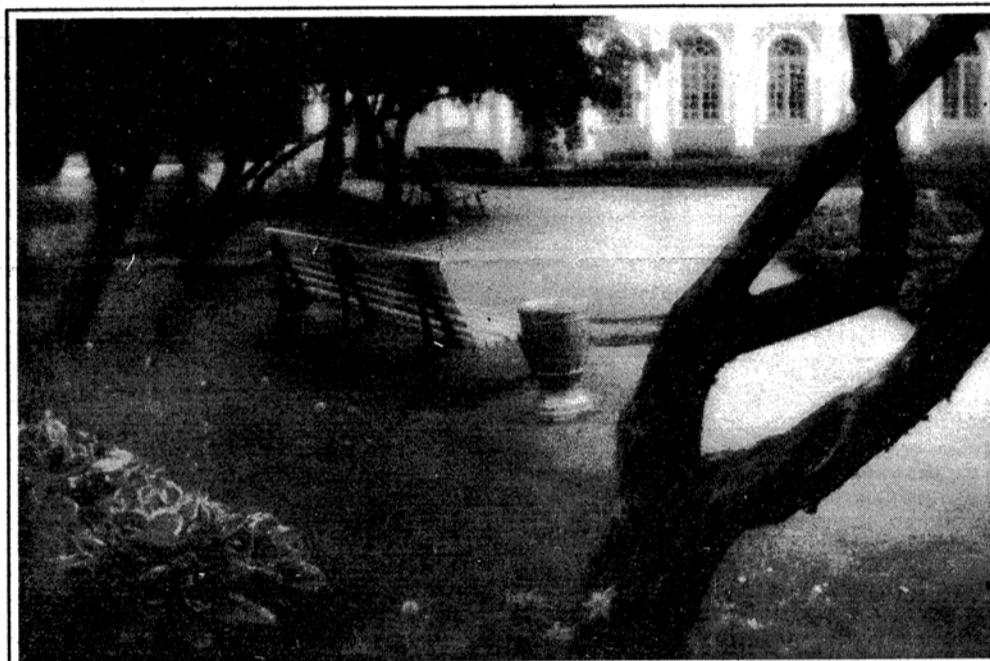
Плотоядная чашечка, роза сосуда глотающая
Вне метафизики, мистики - живоглотный, животный цветок
Роза любви беспросветной, ночная насилиница, роза
В биореторте души.

Роза, которую надо сжечь, ведь "там, у жизни на краю живет она, овощебаза за Черной речкой, с небом рядом, как Афродита с толстым задом, овощебаба во хмелю", и мы, "поджигатели складов сырья и хранилищ плодовоющей... туда, где в слякоти и мгле лежит мочаща база... со спичками идем... крадемся тихие как мыши"

И словно огненная роза
Ты просияешь и горишь.
(Стратановский)

Аполоgetы и ниспровержатели тычут пальцем в классический образ ПОЭТА, к которому "с лазурной ясностью во взоре" поддается дебелая Муза: "минута! и стихи свободно потекут", и в этих стихах классики, как солдаты в шеренге, поочередно восклицают: "Я жить хочу!" (Пушкин), "Я жить хочу!" (Лермонтов), "О, я хочу безумно жить!" (Блок), и т.д. И так же поочередно бухаются на колени, воздевают руки горе и декламируют гимны, орошая себя слезами: "За все, за все Тебя благодарю я!" Современных петербургских поэтов при всем желании нельзя превратить в лубочных молодцов и круглых дунь, гадающих на ромашке. Хотя... кто знает? Ведь и с классиками, конечно, все не так просто. Да. Вселенная не представлялась им кучей чадящего деръма, разлетающейся во все стороны в пустоте: "невозмутимый строй во всем, созвучье полное в природе" (Тютчев). И ведь поэтому-то "болящий дух врачует песнопенье". Но ведь потому-то и врачует, что это не зычный хор лоботомированных идиотов, и "тягость роскошь мне твоя, о бессмысленная вечность!" (Баратынский). "Как мне быть? Я мал и плох... Вопль унылый я подъемлю", - сокрушается "недоносок" Баратынского, и питерский "недопоэт" отвечает:

Золотистое слово на веточек тленной висит...
И урод недоношенный громче нормальных кричит.
(Миронов)

Елена Скибицкая. Из цикла
"Парки Петергофа", 1992-1995.
Черно-белая фотография.